

А.В. ШУБИН,
д.и.н., руководитель сектора истории России, Украины и Белоруссии
Центра сравнительно-исторических исследований постсоветского
пространства Института всеобщей истории РАН

РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИЯ (1917-1920 ГГ.)

Когда мы исследуем причины и ход революции, начавшейся в Российской империи в 1917 г., наряду с социальными факторами мы неизменно обращаемся к национальным. В национальных историографиях эти события часто рассматриваются как самостоятельные революции, феномен лишь национальной истории («Украинская революция», борьба за независимость государств Балтии и Закавказья и др.). Но все эти национальные потоки являются в то же время и частью большого комплекса – Великой Российской революции 1917-1922 гг. (российской эта революция называется не в связи с принадлежностью к современной Российской Федерации, а потому, что разразилась на территории распадающейся Российской империи).

Параллели и меридианы истории

Соотношение этнонациональных и социальных факторов в исторических событиях – важная научная проблема. Она стоит в центре дискуссии между сторонниками цивилизационного и стадияльного подходов к анализу исторических процессов. По существу борьба между цивилизационным и формационным подходами в их чистых формах - это борьба между двумя крайностями. Отрицание стадияльных различий - такая же крайность, как и отрицание этнокультурных особенностей. Между тем уже в марксистской историографии была сформулирована проблема «общего и особенного»¹, которая дает возможность нащупать «золотую середину»: все страны проходят одни и те же стадии поступательного развития («прогресса»), но каждая проходит их по своей дороге².

Интересно было бы выстроить некоторую типологию, связывающую стадияльные и этно-цивилизационные характеристики в единую систему координат в зависимости от характера прохождения тех или иных стадий развития различными народами. Действительно, они проходят одни и те же стадии по-разному: с большими или меньшими разрушениями и жертвами, с большей или меньшей энергией участвующих в событиях социальных слоев. Для одних стран более благоприятны «консервативные» стадии развития, для других наиболее продуктивны периоды революций. Историческое событие находится как бы на перекрестье социально-стадияльных «параллелей» и

¹ См. например: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.

² См. Шубин А.В. Ритмы истории. М., 1996.

этно-культурных «меридиан». Можно предположить, что национальная культура входит в своего рода «резонанс» с теми периодами общественного развития, которые в наибольшей степени соответствуют их социально-психологической структуре народа³.

Возможно, такая типология может быть выстроена в соответствии с объективными критериями реагирования разных народов на общие стадийные вызовы. Одним из таких вызовов стала Великая российская революция и гражданская война в 1917-1922 гг. и даже более широкая волна послевоенных революций, в водоворот которых было вовлечено множество разнообразных народов.

При этом важно помнить о глубокой связи социальной революции и нацистроительства (которое иногда так и характеризуется как национальные задачи революции). Современная нация – продукт индустриальной модернизации с ее стремлением к стандартизации – в том числе стандартизации культуры, которую несет с собой нация как стандартизированный социально-культурный территориальный комплекс. Процесс модернизации сопровождается социальными революциями и другими аналогичными потрясениями. Революция призвана преодолеть системные препятствия на пути модернизации. Нацистроительство формирует определенную языковую и социально-культурную среду, культурные стандарты модернизации. Эта взаимосвязь ставит дилемму «социальное-национальное» в большинстве революций, происходящих на стадии перехода от традиционного общества к индустриальному.

Революция, являющаяся «тараном» индустриальной модернизации⁴, открывает новые возможности для нацистроительства, являющегося одним из проявлений индустриальной стандартизации в области культуры и чреватого резким обострением этноконфликтов. Национальные движения и социально-политические силы, вовлечённые в революционный переворот, стремились использовать друг друга, социальные задачи соседствовали с национальными в политических программах. Но на разной этно-социальной почве национальные и социальные лозунги срабатывали по-разному, то привлекая и консолидируя, то отталкивая и раскалывая массы.

Социальный взрыв 1917 г., исходящий из центра Империи, своей волной «накрыл» самые разные социумы – от этнически консолидированной в своем территориальном ядре Финляндии до этнической чересполосицы Кавказа, от среднеразвитых (для своего времени) аграрно-индустриальных европейских территорий Российской империи до Средней Азии, уровень модернизации которой аналогичен XVI – XVIII векам в Западной Европе. Революция вывела на авансцену множество ярких лидеров, действующих во имя социализма, коммунизма, классов, демократии и нации. Но все эти понятия складывались на западноевропейской почве, отличающейся от российской Азии и даже России как этно-культурно, самим смыслом слов, так и

³ См. Там же.

⁴ Подробнее о понятии «революция» см.: Шубин А.В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 6-12.

стадиально. Многообразие культурных смыслов самой своей сутью противостоит типологизации, но социальные состояния выстраиваются в аналогичные ряды на пути «прогресса», и мы в принципе можем понять, насколько Россия отставала от той или иной страны Запада, а страны Закавказья – от России. Стадии социального развития в этом смысле являются ключом и к решению более трудной задачи типологизации национальных факторов, которые именно в такие критические периоды, как 1917-1922 гг., тесно взаимодействуют, буквально сплавляются с социальными, становятся их оборотной стороной. Терминология мировых проектов наполняется специфическим местным содержанием (в данном случае – пройдя через специфическую российскую реторту, сохранившую «родимые пятна» Российской империи). Социальная модель, исходящая из эпицентра общероссийской революции, взаимодействовала с «иными эпохами», в которых все еще жили соответствующие народы Азии. И все это происходило в условиях многообразия конфликтующих культур.

Принципиально важным «маркером» различной реакции на ситуацию 1917-1922 гг. является соотношение социальных и национальных задач в глазах активной, революционизированной части населения. Если польским лидерам, например, удалось добиться национальной консолидации перед лицом идущей с востока и запада революционной волны, то в регионах, населенных преимущественно русскими, социальные проекты очевидно доминировали над национальными, «черносотенный» национализм был деморализован уже в феврале 1917 г., а национальные лозунги белого движения не способствовали его успехам.

Между этими полюсами мы можем обнаружить интересную палитру реакций народов на революционные вызовы.

Временное правительство и украинский синтез

После сообщений о падении самодержавия практически во всех «национальных окраинах» Российской империи возникли три политических центра: объединение общественности, лояльной Временному правительству, Советы (рабочих и солдатских, а также крестьянских депутатов), которые поддерживали правительство «постольку – поскольку», и национальные объединения, выступавшие за национально-территориальную автономию своих регионов. Большинство из них не ставило вопрос о независимости и видело будущее России как федерации. Также формировались национальные партии, которые дублировали общероссийский политический спектр, но с национальной спецификой. В национальных движениях шла дискуссия между сторонниками территориальной и персональной автономии⁵ Сторонники контроля этноса над территорией возобладали, так как это соответствовало стратегии формирования нации.

⁵ См., например, Красовицкая Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля – октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015.

Сильнейшими национально-политическими центрами были Центральная рада на Украине, Армянский национальный совет, парламент Финляндии. За исключением последнего эти органы не избирались, а формировались из национальных партий (такой опыт применялся и в других национальных регионах, например Сфатул цэрий в Бессарабии). Сильные национальные партии действовали также в Азербайджане и Грузии, но грузинские социал-демократы, доминировавшие в этой стране, до осени 1917 г. были активно вовлечены в общероссийские дела.

Судьба национальных движений зависела от их способности создать собственные вооруженные формирования. Здесь наибольших успехов достигли Украина, Армения, Грузия и Финляндия (тюркские народы отставали, так как в Российской империи большинство их населения не служило в армии).

Особенно важной для судеб революции была ситуация на Украине – и в силу положения фронта, и в силу богатых ресурсов страны, и из-за энергичности лидеров национального движения, стремившихся определить территорию Украины и степень ее автономии как можно шире. 7 марта была создана украинская Центральная рада как орган украинских национальных партий и движений.

5-8 мая 1917 г. прошел I всеукраинский войсковой съезд, 700 делегатов которого представляли до 900 тысяч солдат и офицеров. Съезд выступил за создание украинизированных частей и национально-территориальную автономию, избранный им Украинский военный генеральный комитет вошел в Центральную раду, обеспечив ее связь с войсками. Из оказавшихся в тылу солдат – украинцев, а затем и из украинцев на фронте создавались украинизированные части. Однако важно отметить, что подавляющее большинство солдат, представленных на съезде, потом не станут защищать Центральную раду.

Центральная рада вступила в конфликт с Временным правительством, который завершился компромиссом 2 июля. В Центральную раду должны были быть включены представители неукраинского населения, чтобы она представляла всех граждан Украины. Таким образом, в результате переговоров автономия приобретала территориальный, а не национально-территориальный характер, хотя и с национально-пропорциональным представительством (пропорции определялись в результате переговоров между лидерами Центральной рады и представителями «меньшинств» - Раду пополнили 202 действительных члена и 51 кандидат). Власть на Украине переходила к исполнительному органу Центральной рады – Генеральному секретариату. При Временном правительстве должна была быть введена должность комиссара по украинским делам, оно, не поступившись своей законодательной властью, обещало согласовывать с Радой законодательство по Украине. 3 (16) июля Центральная рада приняла свой Второй универсал, где подтвердила, что «всегда стояла за то, чтобы не отделять Украину от России», и сообщила об уступках Временному правительству – об утверждении состава Генерального секретариата в Петрограде, о подготовке

законодательства о национально-территориальной автономии для принятия всероссийским Учредительным собранием⁶. Треть депутатов Рады выступили против этих уступок. После дополнения Рады представителями национальных меньшинств (около трети ее состава, 18 членов Малой рады), Генеральный секретариат также был реорганизован на многоэтнической основе, хотя украинцы сохранили в нем ведущие позиции. 9 августа в Центральную раду на время вступили даже большевики.

Лидеры Центральной рады подготовили проект устава Генерального секретариата, регулирующий его полномочия, то есть, таким образом – сферу украинской автономии. В уставе говорилось и о Центральной раде как органе революционной демократии всех народов Украины, который служит утверждению автономии Украины и ведет подготовку к Российскому и Украинскому учредительным собраниям. Таким образом, лидеры Центральной рады пытались легитимизировать не только Генеральный секретариат, но и права Рады, а также идею Украинского учредительного собрания. 15 июля В. Винниченко в сопровождении министров Х. Барановского и М. Рафеса отправился утверждать состав Генерального секретариата и его устав в Петроград. Там украинцы встретили холодный прием.

Победив своих противников слева, А. Керенский возглавил правительство и стремился воссоздать коалицию с кадетами. Теперь уступки украинским «сепаратистам» были не ко времени. Поскольку проект устава Генеральному секретариату вышел за рамки киевских договоренностей, он был отвергнут комиссией Временного правительства. Вместо него правительство 4 августа выпустило инструкцию Генеральному секретариату, которая ставила этот орган в административное подчинение всероссийскому правительству, не признавала властных полномочий за Центральной радой и ограничивала территорию, подчиненную Генеральному секретариату Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и частично Черниговской губерниями. Временное правительство запрещало Генеральному секретариату, иметь в своем составе секретариаты по военным, судебным и продовольственным делам, путей сообщения, почт и телеграфов. Впрочем, большинство этих сфер еще недавно и сам М. Грушевский относил к компетенции российского центра.

Решение Временного правительства возмутило депутатов Малой рады. Позднее Винниченко вспоминал: «Инструкция была ничем иным, как циничным, бесстыдным и провокационным нарушением соглашения 16 июля и откровенным желанием вырвать из рук украинства все его революционные достижения»⁷. Впрочем, как раз в августе 1917 г. Винниченко был настроен куда спокойнее: «Инструкция – это уже признание принципа автономии, которого мы вначале только и добивались. Но теперь мы добились большего, чем хотели два месяца назад. Признание самой идеи автономии, а не

⁶ Там же. С. 163-165.

⁷ Винниченко В. Відродження нації. К.,-Відень, 1920. Ч.1. С. 319.

«областного самоуправления», гораздо важнее... Если мы поглядим на фактическое соотношение сил, то можем сказать, что инструкция открывает для нас широкое поле как моральной, так и публично-правовой работы. И меня удивляют некоторые товарищи, которые так пессимистично смотрят на этот документ»⁸. Действительно, инструкция закрепляла автономию Украины и предоставляла ей четкие границы, в которые были включены территории с очевидным преобладанием именно украиноговорящего населения. В инструкции даже упоминалась Центральная рада, хотя за ней какие-то права не признавались (что естественно, ведь предметом регулирования был именно Генеральный секретариат). Так что умеренный оптимизм Винниченко был реалистичен. Позднее, когда Временное правительство превратилось в «козла отпущения» за беды 1917 года, Винниченко в своих мемуарах присоединился к хору возмущения по поводу украинской политики «временщиков».

Отсылка Винниченко к реальному соотношению сил августа 1917 г. не была случайной – после июльской победы позиции Керенского и более правых сил укрепились, и в этой обстановке Центральная рада могла вообще потерять свои позиции. В русскоязычной прессе развернулась кампания травли украинских лидеров за «связи с немцами» (что было частью общей июльско-августовской кампании против левых сил с типовыми обвинениями). В этих условиях Рада вынуждена была подчиниться инструкции, не признавая ее официально и не отказываясь от борьбы за расширение автономии, в том числе – и территориальной. После долгого согласования 21 августа Винниченко сформировал новый Генеральный секретариат в соответствии с инструкцией, и 1 сентября его утвердило Временное правительство.

Однако ситуация вновь изменилась, корниловское выступление нарушило баланс власти. Позиции «партии порядка» резко ослабли.

Центральная рада открыто готовила выборы в Украинское учредительное собрание. Это вызвало гнев и угрозы со стороны Керенского, который вызвал Винниченко в Петроград. Глава Генерального секретариата прибыл в столицу как раз в тот момент, когда началась Октябрьская революция. Лидеры Центральной рады оказались хорошо подготовленными к резкой смене обстановки и в ноябре 1917 г. установили контроль над Киевом и провозгласили 7 ноября 1917 г. Украинскую народную республику (УНР) в составе России, включавшую территории 9 губерний.

Этот очерк истории национального движения на Украине в 1917 г. демонстрирует нам модель наиболее эффективного установления его доминирования в легальной территориальной автономии. Другие национальные движения, за исключением Финляндии, не смогли добиться того же результата, что говорит в пользу найденного лидерами Центральной рады сочетания социально-политических и этно-национальных факторов общественной мобилизации. Они были социалистами, что давало им

⁸ Українська Центральна рада. Документи і матеріали у двох томах. К., 1996. С.220, 547.

поддержку крестьянства и городских низов. Они нашли аргументы, которые привлекли на их сторону достаточное количество солдат. И, наконец, они проявили оптимальную политическую гибкость, которая позволила им достичь соглашения с Временным правительством – в отличие от Финляндии, сейм которой был разогнан в июле 1917 г. и даже занят войсками (впрочем, в августе он оправился от удара и возобновил работу).

Таким образом, мы можем разместить Украину между полюсами социального радикализма и национальной консолидации.

Советская власть, украинские «качели» и внешнеполитический фактор

«Триумфальное шествие» Советской власти столкнулось с разнородной этнополитической почвой. В одних регионах, как на Украине и в Закавказье, успели сформироваться влиятельные национальные движения, которые сумели обзавестись достаточной вооружённой силой, чтобы отбить первый натиск большевизма. В других случаях, как в Белоруссии и Молдавии, большевики наносили поражение «буржуазным» автономистам, перехватывая лозунг автономии и используя доминирование социальных и политических мотиваций над национальными. В борьбе с более прочным национализмом Советское государство было готово пойти даже на предоставление независимости – с последующей поддержкой левосоциалистических сил, которые должны были сделать новые независимые государства частью будущей семьи социалистических республик. В обстановке 1918 г. социальный проект большевизма, дополненный обещаниями права наций на самоопределение, составлял достойную конкуренцию в борьбе за симпатии масс даже сильным национальным проектам Финляндии, Украины и народов Закавказья⁹.

Первоначально влиятельные национальные движения выступали за территориальную автономию в составе обновленного, федеративного Российского государства. Но их не устраивала Советская федерация, в которой виделась угроза большевистского господства. Разгон Учредительного собрания лишил национальные проекты надежд на легитимную защиту их прав от леворадикального российского центра. Естественным результатом стало стремление национальных лидеров отгородиться от разбушевавшегося в России социального смерча с помощью провозглашения независимости. А защитить независимость в условиях Первой мировой войны можно было только опершись на мощную внешнюю силу. Провозглашение независимости от России означало превращение в германский или турецкий протекторат.

Часть национальных деятелей пошла по пути поддержки советского проекта, в котором увидела форму осуществления национальной идеи. Национал-коммунизм станет важным фактором советской истории на всем ее

⁹ Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. М., 2017. С. 284-354.

протяжении. Советская модель сочетания социального и национальных проектов оказалась привлекательна для антиимпериалистических и антиколониальных движений в мире, что было важно для глобальной борьбы российских коммунистов.

Успехам национальных движений способствовала и приверженность большевиков идее права наций на самоопределение, что сковывало их действия против Центральной рады и других центров «буржуазного» (то есть несоветского) национализма. Однако, после колебаний и попыток уладить разногласия политическими средствами, 25 декабря 1917 г. сторонники советской власти развернули наступление на Киев. Они действовали от имени советской Украинской рабоче-крестьянской республики.

В наши дни войну украинских националистов и красных в 1918 году на Украине иногда называют «агрессией России». Но в колоннах красных шли как раз жители Украины. И они поднимали восстания за власть Советов. Война на Украине была гражданской, хотя и интервенция Советской России играла свою роль. Но не будем забывать, что Украина в декабре 1917 г. была частью России, и гражданская война на Украине была частью гражданской войны в России. Казалось бы, украинский баланс национального и социального факторов должен был стать для большевиков «крепким орешком», но социальные преобразования в УНР практически не начались.

Авторитет Рады стремительно падал. 18 (31) января она приняла украинский закон о социализации земли, ликвидировавший частное землевладение и передававший землю крестьянам. Он был основан на той же идее социализации земли, что и советский закон, принятый несколькими днями позднее. Но крестьянство уже было раздражено учреждениями Рады, так как в соответствии с ее указаниями земельные комитеты описывали имущество имений, а крестьяне стремились просто его разобрать по хозяйствам. Для предотвращения разгрома имений уездные земельные управы вызывали войска.

В сравнении с последующим законодательством гетмана аграрный закон Рады больше устраивал крестьян, что и обеспечит сторонникам УНР массовую поддержку сразу после ухода немцев в ноябре-декабре 1918 г. Но пока Центральная рада была слишком умеренной, чтобы крестьяне были готовы сражаться за нее с большевиками, которые также несли с собой радикальную аграрную реформу. А вот рабочие явно предпочитали большевиков, что стало важным фактором при борьбе в городах.

Промедление с реформами определило падение влияния Рады – социальный фактор в условиях революции был важнее национального. Но в условиях противостояния более радикальному большевизму, украинские социалисты пытались защититься от него национальным щитом. Лидеры Центральной рады были националистами и социалистами, что определяло основное противоречие их политики. Им пришлось выбирать между целями национальной консолидации и социальными преобразованиями, которые ее неизбежно нарушают.

В Киеве стала проводиться украинизация, выразившаяся, в частности, во введении государственного языка в официальный документооборот. Как вспоминал член Рады от «меньшинств» А. Гольденвейзер, «предстоящая украинизация приводила в смущение всех неукраинцев, причастных к школе, науке, адвокатуре. Украинский язык, с которым впоследствии немного свыклись, вызывал аффектированные насмешки; никто не собирался учиться этому языку»¹⁰.

Если в городах эта политика не пользовалась большой популярностью, то село поддержало на выборах в Учредительное собрание именно украинские социалистические партии. Как пишет исследователь Учредительного собрания Л. Г. Протасов, «цифры красноречивы: по Украине в целом на украинские национальные списки, партийные и беспартийные, пришлось около 60 % голосов, в том числе в Киевской губернии — 76,9 %, на Волыни — 70 %, в Подолии — 77,6 %, заметно понижаясь на Левобережье»¹¹. Данные голосования позволяют проследить, насколько резким было это понижение, и не только на Левобережье, но и на юге Правобережья. В Волынском округе национальные списки получили почти 114 тыс. голосов при 27,5 тыс. у эсеров и 36,6 тыс. у большевиков; в Киевском — соответственно 133,8 тыс. при 19,2 тыс. и 60,7 тыс., в Подольском — 113,6 тыс. при 11 тыс. и 32,9 тыс. Но восточнее и южнее этих центральных губерний Украины соотношение народных симпатий было другим. В Полтавском — 33,3 тыс. при 198,4 тыс. и 64,5 тыс.; в Екатеринославском — 72,6 тыс. при 231,7 тыс. у эсеров и 213,2 тыс. у большевиков, в Таврическом (правда, с учетом специфической крымской ситуации, где влиятельно было крымско-татарское движение во главе с курултаем) — 105,6 тыс. при 300,1 тыс. и 31,2 тыс., в Харьковском — 11,6 тыс. при 838,9 тыс. и 114,7 тыс., Херсонском — 117,8 тыс. при 368 тыс. и 108 тыс.; Черниговском — 28,3 тыс. при 105,6 тыс. и 271,2 тыс.¹² Оценив электоральные настроения, украинские эсеры отказались от выдвижения собственного списка в Харьковском округе, войдя в список эсеров, где их представители заняли только 4-е и 5-е места¹³. Географическая двойственность Украины непосредственно влияла на политику. Но и в украинском этническом ядре настроения были переменчивы, колеблясь между национальными и социальными приоритетами.

Центральная рада претендовала на обширные районы вплоть до Донбасса, где ее власть никогда не признавали. Претендуя на восточные территории, Центральная рада «получала» и население левобережья, еще более равнодушное к национальной идее, чем жители Правобережья.

В 1917 – начале 1918 гг. национальный фактор успешно конкурировал с социальным, но только при условии, что само национальное движение было

¹⁰ Революция на Украине по мемуарам белых. М., - Л., 1930. С. 18.

¹¹ Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания. Портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 139.

¹² Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 363–366. Данные по Подольскому и Херсонскому округам неполные.

¹³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 259.

автономистским, не отпугивая население неопределенной перспективой независимости. Однако логика самосохранения в борьбе с большевизмом толкала УНР к провозглашению формальной независимости, которая в тех условиях означала переход под протекторат Германии.

Столкнувшись с расширением сферы советского влияния на Украине, Центральная рада в своем IV Универсале, датированном 9 (22) января 1918 г., все же провозгласила независимость Украинской народной республики. Но национальная идея оказалась слабым мобилизующим фактором в условиях обострившихся социальных проблем и в развернувшейся борьбе социалистических проектов.

Для большинства жителей восточной Украины, а то и Киева или Одессы, в которых большинство жителей говорило по-русски, украинское государство не было своим. Для них война против украинских националистов была войной против попытки разделить живую ткань народов, против затяжки с социальными преобразованиями. Позднее украинские атаманы легко переходили из-под желто-голубых знамен под красные и обратно. Вооруженных украинцев интересовала не национальная государственность, а ее социальное содержание.

В 1918 г. национальные движения развивались в условиях не только революции, но и важных мировых сдвигов, связанных с завершением Первой мировой войны. Национальные лидеры настаивали на своем праве участвовать в определении условий мира. Ни Центральная рада, ни Закавказский секретариат не признавали права Совета народных комиссаров (коалиция большевиков и эсеров) единолично заключать мир от имени всей России. Это создавало для австро-германской и турецкой дипломатии прекрасные возможности для маневра, которые были с успехом реализованы в Бресте и на Кавказе. Украинские представители были готовы договориться с немцами за счет России, грузинские и армянские лидеры считали, что смогут добиться лучших условий на Кавказе, а тюркские – сочувствовали Османской империи.

В этих условиях неспособность большевиков договориться с национальной оппозицией вела к катастрофическим внешнеполитическим последствиям. Попытка решить этот вопрос силой натолкнулась на непреодолимое препятствие – государства Четверного союза. 8 февраля советские войска (в которых воевали и украинцы) взяли Киев, но уже 9 февраля представители УНР заключили мир с Германией и её союзниками, пригласив на Украину их войска. Это предопределило Брестскую катастрофу российской внешней политики.

В условиях советского наступления потерявшие опору внутри своей страны, лидеры Центральной рады сделали ставку на внешнюю силу, пригласив германских и австро-венгерских «союзников», которые разогнали Центральную раду и установили авторитарный режим гетмана П. Скоропадского. Однако пока Германия и ее союзники доминировали в Восточной Европе, Украина (как и Польша, Литва, Финляндия) сохраняла формальную независимость в составе системы Германской гегемонии.

Таким образом, прямое столкновение сторонников независимости и радикального социального проекта на Украине дали преимущество последним – мобилизационная база независимцев оказалась слабой. На Кавказе национальная мобилизация была гораздо сильнее, но уравновешивалась межнациональными конфликтами, в которых Россия сохраняла потенциальную роль арбитра. В успехе сторонников советской власти на Украине свою роль сыграло и вмешательство советской России, которое, однако, было быстро побеждено германским вмешательством.

Но история УНР на этом не закончилась. В условиях краха Рах Германа в результате поражения в мировой войне прогерманские режимы потеряли опору. Сторонники УНР подняли восстание против Скоропадского и вошли в Киев 14 декабря 1918 г. Директория УНР была популярна среди крестьян. Но, как и в начале 1918 г., в начале 1919 г. УНР не смогла устоять против советского натиска. Революционные массы, и без того не склонные в большинстве своем к национализму, быстро развернулись против Директории. История повторилась, но не была прервана германским нашествием и получила новое продолжение. Повстанцы, выступившие против немецкой оккупации и Скоропадского, и частично поддержавшие Директорию, теперь разворачивали фронт против нее. Популярность идеи Советской власти и связанных с ней радикальных социальных преобразований обеспечила быстрое продвижение красных на Украине.

Но политика военного коммунизма вызвала разочарование крестьянства, а использование русского языка пришедшими с севера коммунистами – недовольство даже просоветского украинофильского актива. Обещания большевиков сменились практикой коммунистов (крестьяне даже не всегда понимали, что это – одна партия). Ответом стала волна повстанчества 1919 года, которая дезорганизовала красные тылы и способствовала приходу на Украину белых¹⁴. Их склонность к русскому национализму способствовала подъему повстанчества уже против белого движения, что стало одной из причин его скорого поражения.

Таким образом, Украина демонстрировала своего рода «качели», когда доминировали то национальные, то социальные факторы мобилизации масс. В 1917 г. преобладали национальные, в начале 1918 г. – социальные. В 1919 г. то национальные, то социальные, но вторые все же взяли верх при поддержке Советской России, с которой восток Украины был тесно связан и экономически, и культурно. Но коммунисты извлекли уроки из этого опыта, начав политику коренизации Советской власти (на Украине – «украинизации»), которая обеспечила им поддержку части украинофильской интеллигенции и национально-ориентированного крестьянства. Украинские «качели» были связаны не только с географической «двойственностью» страны – ведь они проявлялись и в центральных, правобережных частях Украины. Таким образом, эта особенность реанимирования Украины на

¹⁴ Подробнее см.: Шубин А.В. Махно и его время. М., 2013. С. 145-172.

вызовы революции, может быть связана с ее социально-культурными особенностями.

Закавказье: национальная почва и социальные проекты

Другую модель соотношения социальных и национальных факторов демонстрировало Закавказье. Здесь существовали сильные национальные движения с длительной историей. Но препятствием осуществления их идей были не только имперские центры в Петербурге и Стамбуле, но и этническая чересполосица, преодоление которой было чревато этническими чистками. Межэтническая напряженность на Кавказе придавала важное значение арбитражу России, который был оборотной стороной национальных притеснений, вызывавших возмущение национально-ориентированных активистов, все же связывавших с Россией будущее своих народов. В то же время модернизационные цели национальных движений в духе времени увязывались с социализмом. В итоге лидерами грузинского национального движения стали социал-демократы, а армянского – социалисты из Дашнакцутюн. Тюркская партия «Мусават», отдав дань панисламизму и пантюркизму, остановилась на проекте создания тюркской республики Азербайджан – первоначально в составе России, а затем возможно – в союзе с Турцией. Османский вопрос был ключевым и для армянского национального движения, мечтавшего об освобождении Западной Армении от турок.

Несмотря на очевидное различие целей, перед лицом большевистского вызова национальные движения Закавказья первоначально предпочли действовать совместно. На захват власти в Петрограде большевиками национальные партии ответили 15 ноября 1917 г. созданием Закавказского правительства, не признававшего власть Советов – Закавказского комиссариата. Это правительство считалось автономным региональным и, подобно Центральной раде Украины, готово было участвовать в создании центральной российской власти на федеративных началах. Комиссариат был не чужд социальному реформизму, а 16 декабря принял закон о передаче государственных и частновладельческих земель земельным комитетам. Но на значительной части территории Закавказья таких комитетов не было. Крестьяне-мусульмане либо не поддерживали земельную реформу как противоречащую шариату, либо силой захватывали земли беков и жгли их поместья, убивая их обитателей. Социальный фактор, таким образом, играл роль в мобилизации масс, но заметно уступал национальному, консолидирующему этносы вокруг национальных лидеров.

Противопоставив себя Советской России, лидеры национальных движений надеялись, что сами справятся с задачами арбитража и поиска компромиссов в рамках Закавказской демократической федеративной республики (ЗДФР), независимость которой была провозглашена 22 апреля 1918 г. Но вскоре выяснилось, что «Закавказской Швейцарии» не получится,

и факторы национальных противоречий без России разрывают наднациональные политические конструкции Кавказа.

Как и в случае с украинской Центральной радой, катализатором независимости стало давление государств Четверного союза. Закавказский комиссариат не признал Брестский мир, надеясь договориться о более выгодных условиях. Как и в случае с Центральной радой, это была самоубийственная самоуверенность. Развернулось османское наступление на Кавказе, которое быстро пересекло брестские границы. Через три дня после провозглашения независимости ЗДФР, 25 апреля турки заняли Карс. После этого османская сторона могла диктовать любые условия ЗДФР. Для армян это была катастрофа, для грузин – терпимая неприятность, для тюрок – повод для радости. Не удивительно, что 28 мая 1918 г. ЗДФР развалилась на три закавказских государства. Лидеры Грузинской демократической республики (ГДР) поставили на Германию. Они были социал-демократами, но социальная политика в это время волновала их меньше, чем борьба за грузинские национальные интересы¹⁵. А лидеров «Мусавата» ждало разочарование еще большее, чем лидеров Центральной рады – в Стамбуле воспринимали независимость АДР как чисто формальное и временное явление.

В этих условиях большевики сосредоточились на укреплении своих позиций в промышленной столице Кавказа Баку, игравшем важную роль в экономике всей России. Если в Армении и Грузии национальные факторы в это время очевидно доминировали над социальными, то в Баку, казалось бы, большевикам во главе со С. Шаумяном удалось добиться успеха в продвижении своего радикального социального проекта. Вступив в тактический союз с мусаватистами, большевики добились гегемонии в Бакинском Совете. Этот союз выглядел естественно, так как среди рабочих было много тюрок. Но «Мусават» был правой партией, и в борьбе с ним С. Шаумян объединился с армянской общиной. 30 марта – 1 апреля сторонники советской власти и дашнаки нанесли поражение тюркским формированиям. Флот и артиллерия русских частей бомбардировали татарские кварталы, а дашнаки «зачищали» их. По словам Шаумяна, «участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности»¹⁶.

25 апреля система власти в Баку была окончательно оформлена как советская – по общероссийскому подобию Бакинский совет избрал Совнарком во главе с Шаумяном. Декларация Бакинского совета 25 апреля подчеркивала, что Баку «будет теснейшим образом связан с Всероссийской центральной властью и будет проводить в жизнь, сообразуясь с местными

¹⁵ См. Маилян Б.В. К проблеме актуализации вопроса самоопределения Грузии на рубеже XIX и XX веков. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2014; Шубин А.В. Национальное и социальное в революционных событиях 1917-1922 гг. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2012. С. 106-109.

¹⁶ Шаумян С.Г. Избранные произведения. М., 1978. Т. 2. С. 246.

условиями, все декреты и распоряжения рабоче-крестьянского правительства России – Совета народных комиссаров»¹⁷.

В правительство вошли большевики и левые эсеры, но большинство в Совете было получено благодаря поддержке дашнаков. В условиях наступления османов на Баку союз Советской власти и армянской общины был вполне естественным – армяне надеялись опереться на помощь России (пусть и советской) в борьбе с тюркской угрозой. Возникнув в результате комбинации межнациональных отношений, Совнарком запустил процесс реальных социальных преобразований: в июне были национализированы банки, нефтяная промышленность и флот.

Хлебозаготовительная кампания в Бакинской губернии провалилась. Крестьяне не собирались расставаться за урожаем за советские рубли, когда вот-вот могли прийти турецкие войска. Прибегнуть к brutальным методам большевиков центральной России, послать в деревню продотряды Шаумян не решился – это могло вызвать волну крестьянских восстаний в тылу Красной армии. Надежда оставалась на помощь центральной России, которая могла направить хлеб в обмен на нефть. Продовольствие можно было перебрасывать по морю – тем же маршрутом, что и нефть. 11 июня была опубликована телеграмма Г. Орджоникидзе о посылке в Баку морем 10 тыс. пудов хлеба. Но хлеба не хватало в центре России, и Баку мог снабжаться по остаточному принципу.

Национализация вкупе с общей обстановкой блокады и разрухи не способствовала улучшению положения рабочих. С зимы 1918 г. Баку голодал. Рабочие получали по полфунта хлеба в день. Это качнуло настроения рабочих вправо, способствуя усилению позиций умеренных социалистов в Центрокаспии – крупнейшем союзе моряков и портовых рабочих. Это будет иметь тяжелые для режима политические последствия – наряду с эволюцией позиции армянской общины.

«Быстро ухудшались отношения Бакинского СНК не только с рабочими, но и закавказскими соседями»¹⁸, - считает А.А. Иголкин. Но отношения с рабочими ухудшались медленно – большевики и в июле сохраняли влияние в промысловых советах, что подтвердили даже неудачные для большевиков голосования – их исход предопределило изменение позиции дашнаков и флота, но рабочие в большинстве своем остались опорой большевиков и левых эсеров. Что касается соседей по Кавказу, то они даже улучшались – Баку был поддержан армянским генералом Андраником, засевшим в Нахичевани. Отношения с Тбилиси продолжали оставаться враждебными как и раньше. Что касается мусаватистов и Османской империи, о которых пишет здесь А.А. Иголкин, то их трудно считать соседями по Кавказу – первые были внутренними политическими противниками, а вторые – внешней для Кавказа силой.

¹⁷ Там же. С. 252.

¹⁸ Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917-1920 гг. М., 1999. С. 77.

Если бы не внешнее нашествие, положение Бакинского совета было бы относительно стабильным. В тылу не было серьезных восстаний, как в России. Земля беков конфисковывалась и передавалась крестьянам. Но это не привело к притоку тюркского крестьянского населения в Красную армию, она оставалась преимущественно армянской по составу (что также отталкивало мусульманское население от службы красным). Армянскими бригадами командовали полковник З. Аветисов, известный повстанец Амазасп Срванцян и Казаров. Общее командование осуществлял нарком Г. Корганов, но большую роль в общем командовании играл Аветисов.

Для защиты от кавказских противников бакинцам хватало сил. В апреле красные отбили наступление на Баку Мусульманского корпуса и отрядов имама Н. Гоцинского.

Шаумян надеялся, пробившись в Елисаветполь (Гянджу), вызвать восстание армян, что «повлияет на грузинское крестьянство, и сейм будет разогнан»¹⁹. «От классовой борьбы в этом призыве не осталось и следа»²⁰, - комментирует эту телеграмму А.Ю. Безугольный. И напрасно. Восстание грузинских крестьян против Сейма, руководимого грузинами – это явная ставка на классовый конфликт, революционное восстание, в котором советская интервенция играет только роль детонатора. Шаумян сообщил в Москву свой оптимистичный план войны 24 мая – в последние дни существования Сейма. 26 мая закавказское государство распалось на Грузию, Армению и Азербайджан. Это должно было только добавить оптимизма сторонникам Советской власти, если бы не одно «но». На место развалившегося слабого Закавказского государства пришла Османская империя, действовавшая в качестве формального союзника Азербайджанской демократической республики.

4 июня министр иностранных дел АДР М. Гаджинский подписал договор о дружбе с Османской империей, «ставший гарантией азербайджанской независимости в начальный период ее существования»²¹, - апологетически характеризует этот акт современный азербайджанский историк А. Балаев. Но очень быстро выяснилось, что турецкое руководство ничего не намерено гарантировать, а лишь ищет удобную политическую форму для дальнейшего продвижения к Каспию с его нефтью и выходом в Среднюю Азию.

Командующий турецкими войсками Нури-паша (близкий родственник пантюркистского турецкого лидера Энвер-паши) без труда нашел среди местной элиты сторонников присоединения к Османской империи («илхагистов») во главе с беком А. Агаевым и приблизил их к себе. Впрочем, дело было не только в личных склонностях Нури-паши. Биограф Расулзаде А. Балаев признает: «По нашему мнению, поддержка Нури-паши «илхагистов»

¹⁹ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917-1918 гг. Баку, 1957. С. 425.

²⁰ Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918-1945. М., 2007. С. 95.

²¹ Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде. (1884-1955). М., 2009. С. 109.

исходила из самой сути тогдашней политики правящих кругов Турции в отношении тюркских народов, в том числе Азербайджана.

Так, еще в марте 1918 года в ходе Трапезундских переговоров Энвер-паша настоятельно рекомендовал азербайджанским представителям согласиться на государственный союз Азербайджана с Турцией наподобие Австро-Венгрии»²². Создание независимого Азербайджанского государства прямо противостояло пантюркистской геостратегии.

Когда правительство АДР и Национальный совет 16 июня переехали из Тифлиса в Гянджу, Нури-паша не признал их право на власть и предложил им обсуждать вопросы гражданской власти с его советником А. Агаевым. Несмотря на многочисленные уступки отцов азербайджанской независимости, которые сводили ее к минимуму, уговорить пантюркиста Агаева не удавалось: он требовал роспуска органов АДР и формирования правительства самим Нури-пашой и его окружением. 17 июня национальный совет распустился, предварительно подтвердив полномочия Хойского по формированию из членов того же совета нового правительства (не признанного даже турецким командованием).

Реальная власть на территории АДР принадлежала турецкому командованию, которое распоряжалось здесь как в провинции империи. Крестьяне обязаны были сдавать в пользу турецкой армии десятую часть урожая²³. Однако если, например, на Украине поборы оккупантов вызвали волну восстаний, то тюркское крестьянство стоически переносило пребывание этнически близкой турецкой армии.

Несмотря на стратегическое значение Баку как источника горючего, помощь из РСФСР не пришла. С июня РККА была занята на других фронтах.

Во второй половине июля стало ясно, что правительство Шаумяна не справилось со своей основной задачей, куда более важной для армянской части населения, чем социальные эксперименты. Бакинский Совнарком не смог остановить турок.

Лидеры Армянской общины надеялись защититься от турок с помощью англичан. Разумеется, с идеей пригласить англичан были согласны и русские социалисты, но не большевики. Ввод английских войск в Баку был равносителен свержению Советской власти. Бакинский Совет принял это решение голосами социалистов и дашнаков 25 июля.

31 июля власть перешла к Диктатуре Центрокаспия и временного президиума Исполкома Совета, опиравшейся на блок эсеров, меньшевиков и все тех же дашнаков. 4 августа в Баку высадилось всего около тысячи британских солдат.

Вопреки ожиданиям Центрокаспия и армянской общины, и в соответствии с предупреждением большевиков высадившиеся в Баку британцы были немногочисленны. Оценив обстановку, они эвакуировались 14 сентября. На следующий день Баку пал.

²² Балаев А. Мамед Эммин Расулзаде. С. 114.

²³ Азербайджанская демократическая республика (1918-1920 гг.). Баку, 1998. С. 48.

Таким образом, радикально-«классовый» проект Бакинской коммуны имел в качестве основы расстановку национальных сил, менявшуюся в зависимости от геостратегической ситуации. От изменений этой ситуации зависела и судьба проекта «Азербайджан». Османское вторжение помогло его становлению, но стамбульские пантюркисты могли легко ликвидировать это эфемерное образование. Однако поражение Османской империи в мировой войне, колебания Антанты между согласием с требованием белого движения о сохранении «единой и неделимой России» и прагматической санкцией на существование новых национальных государств – все это позволило развиваться АДР, ГДР и Республике Армения до возвращения в регион Советской власти, готовой сохранить любые национально-государственные образования, если они станут советскими.

Между Германией и Россией

На пространстве между Латвией и Украиной конкурировали польский, литовский и белорусский национальные проекты. Первые два имели некоторое изначальное преимущество в силу религиозного и языкового противостояния российской православной культуре. Белорусы оказывались в «промежуточном» состоянии по обоим параметрам, что ослабляло их собственную идентичность.

На территории, оставшейся под контролем России, белорусское национальное движение не смогло добиться таких же успехов, как например украинское. Так, уже 18 декабря 1917 г. советские власти без труда разогнали Всебелорусский съезд. Однако созданные им органы – Совет и Исполком – продолжили свою деятельность, пытаясь занять в Белоруссии то же место, что Центральная Рада на Украине. Однако в дальнейшем попытки создать несоветскую Белорусскую народную республику так и не привели к созданию государства де факто.

Германские оккупационные власти игнорировали претензии Исполкома (затем Народного секретариата) и Рады на роль государственных органов. Не помогло и «отделение от России» после провозглашения 25 марта 1918 г. «независимой» Белорусской народной республики. В то же время из Рады вышли представители земств, связывавшие будущее страны с Россией (что помимо прочего ударили по финансированию Рады, которая оставалась на деле не государственным, а общественным органом). После выдержанной в униженных тонах телеграммы Рады императору Вильгельму 25 апреля из Народного секретариата вышла его левая часть. Но император опять не снизошел до того, чтобы заметить «белорусское государство»²⁴. Деятели Рады взаимодействовали с оккупационными властями как местные общественные деятели по вопросам культурного и хозяйственного развития,

²⁴ См. Мазец В.Г. Геополитические аспекты становления белорусской государственности в конце 1917 – 1918 гг. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2009.

но не признавались в качестве полномочных представителей местного населения.

Эфемерность первой попытки создания белорусского государства можно объяснить разными причинами – и стадийными, и макрополитическими. Макрополитические причины заключаются, прежде всего, в том, что центральная часть Белоруссии в 1917-1918 гг. была занята крупными силами российской и немецкой армий, что сдвигало соотношение сил сильнее, чем это было в Киеве. Однако при наличии реального низового движения за национальное возрождение хотя бы украинских масштабов его было бы труднее игнорировать, как это делали советские и германские власти в 1918 г.

Стадийная поправка к процессу нациестроительства в Белоруссии может объяснять его слабость некоторым отставанием процесса модернизации. Однако в Литве, где модернизация не могла похвастать большими успехами, чем в Белоруссии, национальная консолидация была заметно выше. Относительная слабость политического национализма в Белоруссии может, помимо всего прочего, найти объяснение и в социальной психологии белорусов и литовцев. Свою роль играл также, конфессиональный фактор. В Литве он консолидировал национальный проект, а в Белоруссии – разлагал. Конечно, важную роль играла и этнокультурная и отчасти конфессиональная близость белорусов и русских.

В Германии разрабатывались различные проекты территориального разделения, в которых не было места для белорусского государства. Ставка делалась на лидеров польского, литовского национальных движений, а также на местных немцев. То, что в латвийской историографии получило наименование «грешный альянс», касается также обстоятельств возрождения Польского и Литовского государств.

В условиях германской оккупации 5 ноября 1916 г. было создано Польское королевство во главе с Регентским советом. Ставка Германии на поляков была плохой новостью для литовского и белорусского проектов. Однако это образование было демонстративно марионеточным, германский генерал-губернатор оставил в своих руках всю реальную власть. Больших успехов добилась Польская военная организация во главе с Ю. Пилсудским. Но польское национальное движение не могло удовлетвориться марионеточным положением своего государства, что вызвало конфликт Пилсудского и австро-германских властей²⁵. Ко времени крушения Германской империи это обеспечило реабилитацию за «грешный альянс».

Литовская тариба, также созданная при содействии германской оккупационной администрации²⁶, провозгласила 11 декабря 1917 г. и 16 февраля 1918 г. независимость Литовского государства, союзного Германии и в июле объявленного королевством. Тариба стала Литовским

²⁵ Подробнее см.: Матвеев Г.Ф. Великая война и судьбы польского вопроса. // Незабываемое сражение 1914 года. Лодзь – прифронтовой город. М., 2014. С. 124-147.

²⁶ См.: Maciulis D., Staliunas D. Lithuanian Nationalism and the Vilnius Question, 1883-1940. Marburg, 2015. P. 53.

национальным советом, который пригласил на трон Литвы германского принца.

В связи с крушением Германской империи в ноябре 1918 г. началось быстрое формирование структур уже действительно независимых и республиканских польского и литовского государств. Германия обеспечила инкубационный период независимости этих государств и вовремя ушла со сцены, что создало удачные условия для развития польского и литовского национальных проектов. Однако отношения между ними были отягощены двумя проблемами: территориальным спором и федеративным проектом польских политических элит, нацеленных на поглощение Литовского государства федерацией с центром в Варшаве. Как пишут Д. Масюлис и Д. Сталюнас, «по мере того, как нарастала угроза большевистского вторжения, в декабре 1918 г. Варшава предложила Литовскому правительству защищать Вильнюс от большевиков совместно. Литва согласилась принять помощь при условии, что Польша признает независимость Литвы со столицей в Вильнюсе. Польша не собиралась признавать независимое Литовское государство, и вместо ответа Литовское правительство получило известия, что Варшава формирует администрации бывших Каунасской, Сувалкинской и Вильнюсской губерний»²⁷. 4 января 1919 г. красные вошли в Вильнюс. Они были врагами для Польского и Литовского государств, активные советско-литовские боевые действия продолжались до июня 1920 г. Но, как мы видим, национальный фактор раскалывал антибольшевистский фронт, создавая треугольник, в котором могли бы возникать разные альянсы. Большевики оценили силу литовской национальной идеи, противостоящей великопольскому проекту, и передали Вильнюс советской Литве.

От «буфера» к национальной государственности

Однако между Литвой, Польшей и РСФСР лежали белорусские земли с неясными границами и слабым национальным движением. При прочих равных условиях у белорусского проекта не было шансов на успех, территория Белоруссии могла быть просто разделена. После вывода германских войск «Белорусская народная республика» не имела возможностей и для того, чтобы оказать сопротивление продвижению Красной армии и Войска польского. Попытки строить государственность «против России» оказались в Белоруссии неудачными. Зато вскоре началось строительство Белорусской государственности вместе с Россией. Толчком к этому стали нужды коммунистического проекта. Вынужденная сражаться на нескольких фронтах, Советская Россия пыталась оттянуть время столкновения с Польшей. Исходя из дипломатических соображений казалось, что в этом может помочь «буфер», отсутствие общей границы России и Польши. Это также должно было помочь снять с коммунистической экспансии имидж великодержавной, имперской.

²⁷ Ibid. P. 66.

1 января 1919 г. в качестве «буфера» между Советской Россией и Польшей была создана Советская Социалистическая Республика Беларусь (ССРБ) (это название утвердилось только 4 февраля). Ее проект был согласован 24-25 декабря на заседании ЦК РКП(б) при участии структур Наркомнаца (прежде всего Белорусского комиссариата при НКН – Белнацкома). Решение провозгласить Белоруссию независимой советской социалистической республикой принималось «по причине современных международных отношений и в целях укрепления и расширения завоеваний социалистической революции во всемирном масштабе»²⁸. Приняв общее решение о создании «буферной» Белоруссии, центр запустил процесс, имевший свою административную логику – основой нового государства должна была стать Западная область, которая была более обширна, чем этническое ядро белорусов. Собравшаяся 30 декабря в Смоленске (а не в Минске) Северо-западная конференция РКП(б) была провозглашена I съездом КП Белоруссии и заслушала доклад А. Мясникова, в котором сообщалось о создании нового государства. Было решено включить в состав Белоруссии территории Витебской, Могилёвской, Минской, Гродненской и частично Смоленской, Виленской и Ковенской губерний. Таким образом, в новом государстве объединялись как русскоязычные регионы Западной области, так и соседние с ней территории, населенные преимущественно белорусами. Казалось, что это позволит сохранить и прежнюю территориально-экономическую структуру Западной области (что было важно для прежних советских властей Западной области), и сформировать территориальное ядро для развития белорусской культуры, что было приоритетом для белорусских национал-коммунистов во главе с первым премьером ССРБ Д. Жилуновичем.

Они отнеслись к «буферному» проекту вполне серьезно и надеялись на создание реального советского государства со специфически белорусского культурной политикой, которая должна сделать граждан (включая горожан и руководящие кадры) белорусскоговорящими. Но для коммунистов Смоленской, Могилёвской и Витебской губерний эта идея была чужда. И тогда сработал механизм советской демократии, который во время Гражданской войны еще мог транслировать наверх настроения советского актива – в начале января советские органы и съезды советов Смоленской, Могилевской и Витебской губерний выступили против их передачи в новое государство. 16 января ЦК РКП(б) удовлетворил эту просьбу, оставив три губернии в РСФСР под предлогом того, что они не граничат с Польшей и потому не являются частью «буфера». Но такой раздел вызывал недовольство не только у национал-коммунистов, но и у «областников» - местных руководителей, стремящихся к сохранению достаточно крупной территориальной единицы, аналогичной Западной области. Усеченная

²⁸ Цит. по: Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Минск, 1999. С. 61.

Белоруссия оказывалась настолько маленькой, что экономически была нежизнеспособна: «Или республика как есть, или область как была»²⁹.

Решение было найдено неожиданное, но имевшее исторические прецеденты (если вспомнить о ВКЛ) – 30 января Свердлов сообщил Жилуновичу о предстоящем объединении «урезанной» Белоруссии с советской половиной Литвы (с центром в Вильнюсе). Этим решением «убивалось» сразу несколько «зайцев». Новая республика обретала более солидную территорию, чем обе ее составляющие. Снимались территориальные споры в зоне смешанного населения. Белорусский и литовский народы одинаково противостояли польской экспансии, что вызывало здесь поддержку РККА со стороны местного населения по общим национальным причинам. К тому же, по мнению эмиссара ЦК РКП(б) А. Иоффе, «если удастся устроить унию, то белорусский и литовский национализмы будут в значительной степени друг друга нейтрализовывать...»³⁰ Это решение было проведено в жизнь в феврале 1919 г. – как раз накануне наступления Войска польского, которое сокрушило все эти «буферные» комбинации. 19 апреля поляки взяли Вильнюс, 8 августа – Минск. Во время польско-советской войны в ходе советского наступления 31 июля 1920 г. Белорусская советская социалистическая республика была провозглашена снова, но уже без союза с Литвой – военно-политическая ситуация в регионе изменилась. И это решение, на тот момент продиктованное политическими мотивами, положило начало процессу, который привел к формированию в недрах СССР реальной государственности, выделившейся в 1991 г. в независимое государство республика Беларусь.

Создание Литбела мотивировалось и необходимостью совместной борьбы с литовской и польской контрреволюцией. Официальный советский взгляд на этот вопрос был предельно прост: буржуазия и помещики просто используют национальную карту для защиты своих имущественных интересов. Режим в Каунасе – это один из очагов контрреволюции, заповедник буржуазии и помещиков, прикрытый национальным флагом. Однобокость такого взгляда быстро была подтверждена историей – Советская Россия стала оказывать поддержку Каунасу в его борьбе против польской оккупации Вильнюса в 1920 г. Национальные противоречия между Литвой и Польшей раскололи в этом регионе «буржуазный» фронт. После заключения советско-литовского мирного соглашения 12 июля 1920 г. Литва стала наиболее дружественным СССР государством региона. Это обстоятельство определялось как отсутствием общей границы (что не спасло Литву от поглощения СССР в дальнейшем), так и поддержкой претензий Литвы на Вильнюс со стороны СССР, реализовавшейся на практике накануне этого поглощения.

²⁹ Короткова Д. «Из всей этой пантомимы ничего путного не получится...» Литбел и его окрестности. // Родина. №3. 2012. С. 101-102.

³⁰ Там же. С. 103.

Возможны варианты

Брестский мир облегчил процесс распада Российского государства. Под контролем Германии оказались Финляндия, Эстония, Латвия (как раньше Литва и российская часть Польши). Оккупирована была Украина и часть Белоруссии, а также ряд южных регионов России. Османская империя, благодаря попыткам закавказских политиков вести самостоятельную внешнюю политику, перешла границы, согласованные в Бресте и вторглась на Кавказ, от чего сильнее всего пострадали армяне.

Но как только блок Центральных держав проиграл войну, советский проект вернулся почти на всю территорию, потерянную в Бресте. И в 1918-1922 гг. народам приходилось выбирать между национал-коммунизмом и антисоветскими национальными проектами. Большевизм постепенно усвоил уроки национального сопротивления и был готов идти на широкие уступки национальной самостоятельности и культуре при одном важнейшем условии – власть в национальных регионах должна быть выстроена по советскому образцу и принадлежать местной коммунистической партии, которая подчиняется Москве и общей стратегии социальных преобразований. Эта модель возобладавала на всей территории бывшей Российской империи, кроме ее западной части, на возвращение которой в 1919-1921 гг. не хватило военных сил. Свою роль в таком исходе сыграли как чисто военные обстоятельства, так и мобилизационный потенциал национальной идеи в Польше и странах Балтии. Но не на Украине и на Кавказе.

Ленина волновали возможности глобального расширения коммунистической системы, он готов был идти на уступки национальным группировкам номенклатуры. Это усиливало «сцепку» режима с этнокультурной и местной социально-экономической почвой, но в долгосрочной перспективе подрывало целостность коммунистической системы.

В странах Балтии стартовые позиции нацистроительства были сильны, и борьба шла по поводу социального устройства будущих национальных государств. Формирование независимых государств Балтии демонстрирует очевидный приоритет национальных задач, но проекты Советской Литвы, Литбела и Советской Латвии предусматривали решение национальных задач в рамках социального проекта (третий вариант): борьба за Вильнюс, против польского и немецкого «засилья», имевшего социальную подоплеку.

Впрочем, и борьба за национальную независимость имела социальную подоплеку. А. Сметона, К. Ульманис и К. Пяте боролись за то, чтобы жить в независимых государствах. Но они не могли не понимать, что эти государства в силу их относительной слабости не смогут быть полностью независимыми, что они должны будут опираться на поддержку более сильных держав (сначала речь шла о Германии, затем об Антанте), и находиться в экономической зависимости от развитых капиталистических государств. Они сражались за то, чтобы страны Балтии остались в западной системе политических и социально-экономических отношений. Они

боролись не за любую государственность, а только за государственность, защищающую частную собственность. В этом отношении их стремление к развитию национальной культуры также или почти также соотносилось с социальными задачами, как и аналогичное стремление В. Мицкявичюса-Капсукаса, П. Стучки и Я. Анвельта. Революционеры, действовавшие в «дочерних» советских республиках, созданных либо ради «буфера», либо ради экспансии коммунистического проекта на национальной территории, могли искренне стремиться к созданию полноценной национальной части советской федерации, которая будет решать как социальные, так и национально-культурные задачи.

В Латвии социальный проект большевиков попал на благоприятную почву латвийско-немецких противоречий, носивших в значительной степени и социальный характер. Учитывая «грешный альянс», это давало преимущества красным латышам в борьбе с белыми. Но благодаря тому же «грешному альянсу» соотношение военных сил оказалось не в пользу Советской Латвии, а модель военного коммунизма разочаровывала. Лидеры Латвийской республики вовремя сменили фронт, отказавшись от «грешного альянса». В результате возникли предпосылки консолидации латышей на антигерманской и антисоветской основе одновременно, что и привело к успеху Латвийской республики во второй половине 1919 г. Если в начале 1919 г. ход борьбы за Латвию определялся столкновением социальных проектов, то во второй половине года значение этого фактора ослабло, и национальная консолидация возобладала³¹.

Казалось бы, прибалтийские и закавказские сюжеты подводят нас к выводу: даже радикально-социальные проекты 1917-1922 гг. в своем «базисе» имеют национальную почву, решение национальных задач. Однако уже эти примеры показывают, что социальные процессы могут оказаться гораздо сильнее национальной повестки дня, а национальные формы использоваться для продвижения социального проекта.

Возможны разные варианты соотношения национального и социального факторов:

1. Открытое доминирование национальных задач, решение которых обеспечивает и сохранение позиций имущественной элиты (в большей степени это характеризует ситуацию в Польше, но характерно для «белых» прибалтийских республик);

2. Открытое доминирование социальных задач (российский большевизм, готовый идти на уступки национальному строительству именно из равнодушия к тому, как будет устроено будущее национальное деление единого в социальном отношении организма «Коммуны»);

3. Использование социального проекта для решения национальных задач (Баку 1918 г., советские Латвия и Литва, а также, например, Венгрия

³¹ См. Шубин А.В. Латышские стрелки между родиной и революцией. // Россия и Латвия в потоке истории. М.: ИВИ РАН, 2015.

1919 г.), что предопределяет неустойчивость коммунистического режима, принявшего с энтузиазмом за проведение социальных преобразований;

4. Использование национального проекта для решения международных революционных «классовых» задач («буферные республики»), что может при благоприятных условиях привести к ускорению нациестроительства в рамках советского пространства (Белоруссия).

В этой системе координат Украина оказывается страной, в которой национальный и социальный факторы играют одинаково важную роль, при том, что вперед выдвигается то один, то другой. Это характерно также для Финляндии 1917-1918 гг. Грузия и Армения, тяготея к первому варианту, использовали элемент третьего.

Туркестан, отстававший в «гонке» модернизации, пережил и создание Туркестанской автономии с центром в Коканде, ликвидированной советскими отрядами, и гражданскую войну европейского населения, игнорирование мнения «туземного населения», которое обернулось подъемом вооруженного сопротивления советскому проекту басмачей – традиционалистов и пантюркистов. Национально-территориальные проекты еще только вызревали на этно-социальной почве Туркестана, и победившие военным путем в борьбе за города большевики предпочли возглавить процесс и показать Востоку образец решения национально-колониального вопроса. Национально-территориальное размежевание 1924-1925 гг. при всей своей искусственности создало границы современных национальных государств Средней Азии (эти события тяготеют к четвертому из перечисленных вариантов).

Соотношение детерминирующего фактора и детерминируемой формы в каждом конкретном случае тоже зависит от трех основных факторов:

1. Собственно этнокультурные особенности
2. Стадия развития, на которой народ застал 1917 год.
3. Макрополитические факторы – воздействие других, более сильных государств. В обстановке 1917-1920 гг. национальные «окраины» Петрограда превратились в периферию сразу трех центров – Москвы, Берлина и Парижа (где собрались лидеры победителей в мировой войне). Эта интерференция периферий создавала дополнительные возможности для маневра национальных лидеров.

Впрочем, как и в остальных случаях, внешние формы и «подкладка» могут иметь самостоятельную инерцию. Так, например, революционеры, действовавшие в «дочерних» советских республиках, созданных либо ради «буфера», либо ради закрепления коммунистического проекта на национальной территории, могли искренне стремиться к созданию полноценной национальной части советской федерации, которая будет решать национально-культурные задачи ничуть не хуже, чем социальные. Если для Ленина национальное было вторичным, и он был не против развития национальной культуры постольку, поскольку это не мешает реализации социального проекта, то для «национал-коммунистов» задачи развития национальной культуры были приоритетны. Даже те, у кого

большевистский проект прежде вызывал у них сомнения, пошли по пути советского национального строительства (это касается, например, украинских эсеров и меньшевиков, которые в ходе гражданской войны вошли в партию большевиков и стали активными проводниками политики украинизации).

Попытка своеобразного разделения сфер деятельности и интересов между большевиками Центра и национал-коммунистами вылилась в практику «коренизации», понимавшуюся ими по-разному – либо как средство умиротворения крестьянства и интеллигенции национальных регионов, либо как реальное форсирование создание современной нации в рамках советской федерации. Казалось, что трудности управления, например, украинским крестьянством со стороны русскоязычных кадров, столь трагически проявившиеся весной 1919 г., будут сняты, если обучить кадры украинскому языку. Но с началом Первой пятилетки выяснилось, что коренизация зримо препятствует индустриальной модернизации, движению рабочей силы в масштабах государства. Единая фабрика СССР не могла эффективно действовать, если бы состояла из «национальных цехов», работники которых говорят на разных языках и плохо понимают друг друга. Доминирование русского языка на производстве становилось основой советского «плавильного котла», который покончил с «коренизацией» и привел социальную повестку к победе над национальной.

Но, бросая взгляд вперед, мы видим, что после смены эпохи, когда задачи индустриального перехода были выполнены, и на повестку дня во второй половине XX века встал вопрос качества жизни, потребности в культурном разнообразии, снова все более актуальной становилась национальная проблематика. Это предопределило ослабление общности «советский народ» и национальное возрождение, которое регенерировало всю ту же «матрицу» особенностей реагирования народов на исторические вызовы. Для одних национальное возрождение стало поводом перейти из советского пространства в западноевропейское, манящее иной политической культурой и экономическим процветанием. Сегодня мы видим, что зависимость государств Балтии, Венгрии и Польши от европейских институтов весьма высока, и необходимость делиться суверенитетом превращается в проблему национального сознания. Для других стран распад советского пространства стал началом возвращения к неизжитому прошлому этноконфликтов с соседями.

Чтобы ни говорилось о стремлении к развитию западных институтов в Закавказье, этот вопрос еще долго будет вторичным для населения этих стран в сравнении с остротой межэтнической борьбой за территории.

Мы видим и тяготение Беларуси к единству с Россией, которое воскрешает в памяти как те колебания, которые сопровождали создание «буферной» Белоруссии 1919 г., так и осторожность пути БССР к независимости в 1991 г. Но при этом руководство Беларуси не намерено поступаться обретенным статусом.

Не исчез дуализм политической культуры Украины, во многом унаследованный от тех времен, когда восток и юг стали частью Советской Украины, чтобы у нее имелась своя надежная территория в борьбе с несоветской Украиной. Запад и Восток Украины продолжили свой спор о языке, о ценностях культуры и индустриального прогресса, связи с Западом и Россией. Национализм по-прежнему служит средством сдерживания социальных перемен – вплоть до подмены социальной революции национальным «революционным» антуражем.

Социальные проекты сегодня слишком слабы и далеки от социальных нужд людей, чтобы доминировать над национальным «базисом». Но может быть, так будет не всегда.